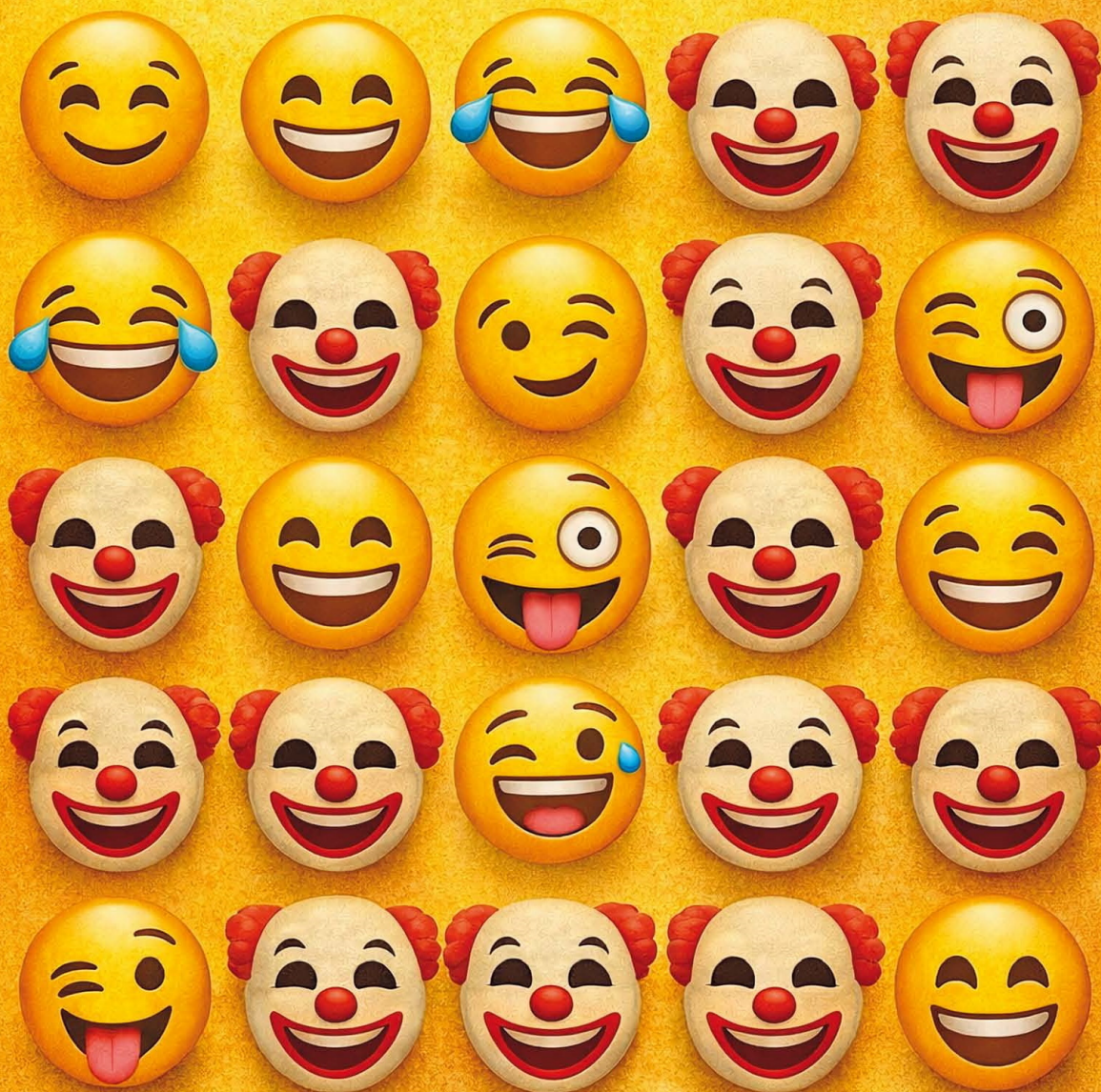

Геннадий Сердитов

Шило на мыло

Эти весёлые рассказы и стихи непременно вызовут у вас улыбку. А время, потраченное на улыбки, как известно, не входит в зачёт времени старения.

Читайте и улыбайтесь на здоровье.

Геннадий Сердитов

Шило на мыло

«BookBox»

2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)6-44

Сердитов Г. Д.

Шило на мыло / Г. Д. Сердитов — «BookVox», 2026

ISBN 978-5-908037-74-7

Эти весёлые рассказы и стихи непременно вызовут у вас улыбку. А время, потраченное на улыбки, как известно, не входит в зачёт времени старения. Читайте и улыбайтесь на здоровье.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-908037-74-7

© Сердитов Г. Д., 2026
© BookVox, 2026

Содержание

Шило на мыло	6
Смех по пятницам	7
В гамаках	8
Дон Марселло, старый козел	9
Спасибо, ребята!	11
Страшная клятва	12
Вова Клюквин	13
Испытатель одежды	14
Сингапурские трусы	15
Ключи срочно!	16
Ослиные уши	17
Вот такая экскурсия	18
Совет да любовь!	19
На копне сена	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Геннадий Сердитов
Шило на мыло
BookBox

© Геннадий Сердитов, 2026

© Издательский дом «BookBox», 2026

Шило на мыло

Мы с Морковкиным стояли у забора и читали объявления.

«Продаётся друг человека с поводком и намордником», «Доцент... в любой ВУЗ с гарантией. Обращаться в баню, спросить Федю из котельной», «Отдаётся собачка в хорошие руки», «Продаётся грудное молоко. Звонить по телефону... Спросить Виталия Павловича».

– Кровосос ты, а не Виталий Павлович, – сплюнул я. – Чтоб у тебя молоко пропало!

– Пишут, пишут, – хмыкнул Морковкин, – а ведь никто не читает.

Он вырвал листок из блокнота и вкривь-вкось написал: «ПрАпала кАза Милка. ПрАшу вИрнуть поадрИсу...», дописал свой адрес и пристроил листок на заборе. Я хотел написать «Меняю шило на мыло», но напуган извилины и выдал такую заборную миниатюру:

«СРОЧНО! Меняю самозаточное шило из комплекта „Сапатеро-Рapid“ фирмы „Эшоп“ со сменным жалом „Бриллиант“ и ручкой системы „Манго“ на мыло, желательнее фирмы „Дин-Дон“. Возможны варианты».

Домой я попал лишь к вечеру. В квартире пахло лекарством.

– Коля! – бросилась ко мне жена. – Какое шило?.. На какое мыло?!

Она зарыдала, я замер.

– Весь день... звонки, звонки... Потом пришли эти... Оставили тебе кусок хозяйственного мыла. А из твоих железок забрали шило... Я ничего не понимаю, Коля!

Зато я сразу все понял. И от растерянности не мог развязать шнурок на ботинке. Дедушкино шило... Златоустовской работы... Я им обычно распутывал шнурки... Теперь придется их намыливать.

– И твой Морковкин туда же, – всхлипывала жена, – звонит и плетет про какую-то козу... Она у него на балконе стоит.

«Нашлась все-таки Милка!» – подумал я с облегчением, сел на пол и развязал шнурок зубами.

Смех по пятницам

В «Клуб сатиры и юмора» заташил меня Калиткин.

– Идем, – говорит, – ухочешься.

Не поверил я Калиткину, но все-таки потащился. Приходим. Сидят там чудаки с листочками и по очереди читают. Один читает, остальные смеются. И Калиткин, гляжу, хохочет, временами даже похрюкивает. А я анекдоты разгадывать не умею, поэтому сижу злой.

Например, читают историю, как один художник на берегу пишет пейзаж с уткой. А его сбоку спрашивают, чем он в настоящий момент занимается.

– Парашют штопаю, – отвечает тот. – Бананы жарю.

На мой бы характер, так этот художник уже плавал бы на своем мольберте наперегонки с той уткой! А эти сидят, улыбаются.

Дома Люся спрашивает: где был?

Хотел я ей ответить, да неожиданно брякнул:

– Парашют штопал! Бананы жарил!

Люся смотрит на меня неуверенно и говорит:

– Не бережешь ты себя, Коля. Уходи с этой работы.

В понедельник вызывает меня Копалыч, кричит:

– Где отчет? Чем вы там вообще занимаетесь?!

– Парашют штопаем, Константин Павлович. Бананы жарим.

– Ишь ты, сатирик, – оторопел он. – Ладно, подкину я тебе пару человек в помощь.

Возвращаюсь к себе – телефон надрывается, в трубке женский голос:

– Почему журналы в перевод не принесли?

– А мы тут парашюты штопаем. Бананы жарим.

Там молчание, а потом тот же голос, только намного женственнее:

– Да вы не беспокойтесь, мы сами придем.

Короче, с этими сатирой и юмором началась у меня совсем другая, содержательная жизнь. Женщины поглядывают, мужики в курилке толпой окружают. К концу дня понял: скучно я до сих пор жил! И тут звонят из цеха, мол, отложили мои детали. Я в крик:

– Чем вы там занимаетесь?!

А мне эдак с издевочкой:

– Бананы штопаем. Парашют жарим.

Понял я, круг замкнулся, закончился мой праздник. Звоню Калиткину:

– Давай сегодня опять к сатирикам!

– Сегодня не получится, – отвечает. – Они там только по пятницам собираются.

А я думаю, отчего же только по пятницам? Живем-то мы каждый день. Значит, и сатира с юмором должны быть каждый день!

Иначе иссякнем.

В гамаках

Вершина лета, отпуск, юг.

Паша Пичурин и Миша Булкин, плотно поужинав, разлеглись в гамаках.

– Хорошо-то как, Миша, – пропел Пичурин, почесывая живот.

– Угу, – отозвался Булкин и отпил из плоской фляги.

– Я, Мишечка, раньше парусом занимался. Бывало, вымокнешь как старая медуза. Да еще на крутой волне страху натерпишься.

– Парус – это для отпетых, – сказал Булкин. – А я по молодости велосипед крутил. Потом Надя сказала: или я, или велосипед.

– Надька лучше, – рассудил Пичурин. Булкин улыбнулся.

– Она в больнице работала. А я с этим велосипедом в гипсе лежал.

– Тоже опасный спорт, – вздохнул Пичурин.

– А городки? – Булкин еще раз глотнул из фляги. – Чуть зазевался – и по ногам палкой!

– По ногам или по зубам, – согласился Пичурин. – Мой сосед даже в шахматном клубе схлопотал доской по лысине.

– Доской?! – восхитился Булкин.

– Шахматной доской. Вернее, шахматным столиком... Зато он играть лучше стал. Но без каски играть теперь не садится.

– Поумнел, значит. – Булкин протянул Пичурину флягу. – На, глотни.

– Хватит лакать, – зевнул тот. – Оставь на утро.

– У нас там еще полканистры, – успокоил его Булкин, но флягу с водой убрал.

Потом выскреб из бороды сосульку и швырнул ее вниз. И пока она летела к далекому леднику, друзья разложили на животах под свитерами сырые носки на просушку и заснули крепким сном счастливых людей.

Потому что был юг, отпуск и вершина.

Дон Марселло, старый козел

Завертаев работал на телевидении. Работа у него была такая – приставать на улице к прохожим. Это называлось «опрос». Бывало, объявит ему утром шеф тему, скажем, какой-нибудь «Кофе „Коко-Реко“», а к вечеру у Завертаева уже все сляпано-склепано. Мельтешат на мониторе лица, рожи и рожицы. И все нахваливают этот самый «Коко-Реко». И пьют его, кто из чашечек с золочеными ручками, кто из бумажных стаканчиков, а кто из консервных банок – и шеголеватый депутат, и красные как помидоры грузчики пивзавода; и длинноногая блондинка с кобылой в парке, и упитанный мальчик верхом на этой кобыле с блондинкой, и сама сивая кобыла Маня.

Да что там кобыла! Завертаев своим языком мог раскрутить-расколоть на откровения даже гранитный шар на набережной. И выведать, чем тот устраняет свои запоры, как борется с перхотью и какими прокладками спасается от прочих напастей.

И вот как-то раз, когда город, кряхтя и кашляя, перебирался из зимних сумерек в весенние насморки, Завертаеву объявили: «Любовь и любимые».

– Любимые что? – не понял тот. – «Средства от» или «Позы для»?

– Не паясничай, – сказал шеф. – Просто любимые. С большой буквы. Сделай так, чтобы материал восьмого марта булькал в эфире: любовь, любовь, любовь...

И Завертаев сделал. Забрызганные, затюканные прохожие перед камерой вдруг заулыбались, запели куплеты, заговорили стихами. Старушка в ботах вспомнила какого-то счетовода Федорова, очкарик со скрипкой подмышкой и совковой лопатой на плече – свою учительницу пения. А юная врач-стоматолог из белого Бентли послала воздушный поцелуй одному веселому деревенскому печнику...

Восьмого марта материал дали в эфир, и все прошло «на ура». А вскоре Завертаев, оформляя в бухгалтерии какие-то бумаги, понял, что и сам неожиданно влюбился. В младшего бухгалтера Шурочку. Теперь и он готов был мяукать мартовским котом, каркать апрельской вороной и квакать майской лягушкой.

Тут его и вызвал шеф.

– Я влюбился! – выпалил с порога Завертаев.

– Понимаю, – сказал шеф и протянул ключи от квартиры. – К семи вечера чтоб вернул.

– Как ты можешь?! – оторопел Завертаев. – Я по-настоящему влюбился. Ну как ты можешь?..

– Прости, дружище, я-то думал, что и ты еще можешь – пожал плечами шеф. Но ключи убрал.

Вечером Завертаев решил честно рассказать обо всем жене. Жена Вера напряженно смотрела в телевизор, грызя семечки и сплевывая шелуху в хрустальный стакан. На экране какой-то дон Марселло гонялся с ножом за какой-то Изабеллой. Правда, гонялся как-то вяло, без огонька.

– Вера, я влюбился, – сообщил в спину жене Завертаев.

– Козел! – выдохнула та. – Даже нормально зарезать не может эту сучку.

Завертаев зашел со стороны телевизора и повторил:

– Вера, я влюбился.

– Пожалуйста, встань немного в сторону, – попросила жена. И сплюнула шелуху в хрустальный стакан. Завертаев поплелся на кухню, попил чаю, позвонил сыну:

– Андрюша, поздравь меня, я, кажется, влюбился.

– Поздравляю, – сказал сын, что-то дожевывая. И пропел: «Хорошо – быть молодым. За любовь к себе сражаться...». – Кстати, заberi завтра Алешку из садика.

Наутро Завертаев решительно пошел в бухгалтерию, вызвал Шурочку и сказал ей, краснея:

– Я вас люблю. – И неожиданно для себя бухнул – Поедьте на Канарские острова!

– С обеда что ли? – спросила Шурочка, зябко кутаясь в мохнатый шарф. – Вообще-то у меня вечером курсы.

После работы он бродил с внуком по скверу. Алешка рассуждал:

– Я тоже на Новый Год влюбился. В Снегурочку. А потом она на лестнице целовалась с пьяным Дедом Морозом. Я теперь в жизни никого не люблю.

– Да, – вздохнул Завертаев. – Жаль, когда мечта уходит.

А воробьи вокруг чирикали так громко, и стая собачек пробежала мимо так озабоченно, что он понял: весна. Пора снимать теплое белье. А то сопреешь.

Спасибо, ребята!

Финал. Проигрываем 4:5 и всего двадцать секунд до сирены. Вбрасывание. Хоп! Я подхватываю шайбу на крюк и врываюсь в их зону! Шайбу влево! Вправо! Вратарь мечется... Бросок! Гол!!! Ура-а-а!

Я бегу, подняв руки, вдоль ревуших трибун! Но разве далеко убежишь? Здоровяк Миша Пудов с ходу припечатывает меня к борту и лупит по каске! Следом врезаются Дремлюга и Саня Буйлов. И тоже по каске... наотмашь... от радости... Звенит в ушах... Пытаюсь вздохнуть, но тут же вздрагиваю – это чей-то дружеский кулак достает до моей шеи...

Все наши уже здесь, вся скамейка – Батыр Молдобаев, Квадратов, Чугунов... Поздравляют... Сегодня уже в третий раз... И всё по голове... Спасибо, ребята... В команде у нас двадцать два крепыша... Спасибо... Трещит каска... Спасибо... Я больше люблю быть ассистентом... дирижером атак... Спасибо... И ты, брат?!

Счет 5:5 и семь секунд до сирены. Вбрасывание.

Хоп! Шайбу влево! Вправо! И... подальше, подальше от их ворот! Ну ее, эту славу!

Здоровяк Миша Пудов с ходу лупит меня по каске! Следом врезаются остальные... За что?.. Какой гол?! От конька защитника?.. Его и бейте... тьфу, поздравляйте!.. Я не хотел!

Спасибо, ребята... Спасибо... Спаси...

Страшная клятва

«Я, Мухрыстиков Павел Иванович, клянусь, что никогда в жизни, находясь в трезвом уме и полном здравии, больше не сяду добровольно в кресло к мастеру Раисе Горшковой в салоне красоты „Одуванчик-Бьюти“, если даже сгорят все парикмахерские в городе, и мне придется заплетать свои волосы в косы.

Если же я нарушу эту свою страшную клятву, то пусть от меня отвернутся все пассажиры в автобусе, пусть все прохожие на улице станут шарахаться от меня, а молодые мамы – пугать мною своих детей. Пусть на почте по паспорту мне не выдадут денежный перевод. Пусть в пивном баре меня не признает Мишка Ермолаев. Пусть во дворе мимо меня пройдут, не узнав, сын Егор и любимая овчарка Найда. Пусть соседка Травиатта Митрофановна побоится подниматься со мной в лифте. Пусть жена Таня не пустит меня на порог собственной квартиры!»

Мухрыстиков слизнул со щеки горькую слезу и в отчаянии нажал кнопку звонка.

Жена Таня кинулась ему на шею.

– Где ты так долго был, Паша?! – и вдруг отшатнулась. – От тебя духами пахнет!!

– Я, Таня, это... Я в парикмахерской был... Стригся...

Таня внимательно посмотрела на него.

– И правда! Какой ты у меня теперь красивый и молодой! – и снова прильнула к мужу.

Вова Клюквин

- У меня пистолет, – заявил Егор. – Я пойду первым.
- И я пойду первой, – сказала Аня. – У меня собака. Мы с ней будем нюхать следы. И достала из кармана зеленую собачку с клетчатыми ушами.
- А я? – спросил Антон.
- Пойдешь за нами, – сказал Егор. – Будешь собирать улики.
- Улитки? – переспросил Антон.
- Не улитки, а улики. Это такие окурки с отпечатками пальцев.
- Ирина Евгеньевна построила ребят парами и повела на прогулку.
- Ура! Я нашел улики! – обрадовался Антон и полез в песочницу собирать окурки.
- И я нашла! – Аня вытащила из-под скамейки пустую бутылку.
- На скамейке были вырезаны какие-то буквы. Позвали Гришу. Умный Гриша прочел:
- «Ни за-бу-ду дец-кий сад. Вова».
- На другой скамейке спал человек.
- Это еще кто? – спросила Ирина Евгеньевна.
- Человек проснулся и сел.
- Это же я, Вова Клюквин, – сказал он, расправляя бороду, – Ирина Евгеньевна, возьмите меня обратно в детский сад.
- Ты всегда был таким послушным, – вздохнула воспитательница.
- Я снова буду слушаться, – пообещал Клюквин. – Вы только возьмите.
- Возьмите! – хором попросили дети.
- Возьмем, возьмем. – Из-за куста вышел полицейский старшина Зубов. – Гражданин Клюквин, пройдемте в машину.
- Мне нельзя, – сказал Клюквин. – Я из этого детского сада. Вот моя воспитательница, а вот моя лопатка.
- И потянул из рук Антона лопатку. С лопатки посыпались окурки.
- Сигареты «Стим-Дрим», – определил старшина Зубов. – Фирмы «Петродым». Такая пачка пропала сегодня из супермаркета «Суздальский». Это улика.
- А вот еще улика, – сказала Аня и протянула полицейскому бутылку.
- Тот понюхал горлышко и сказал:
- Водка «Богатырская» новгородского производства. Эта бутылка тоже числится в розыске. Вы разоблачены, Клюквин, отпираться бесполезно.
- Я больше не буду, – сказал Клюквин. – Отпустите меня.
- Отпустите, – хором попросили дети.
- Мы научим его строиться парами, – сказал Егор.
- И есть кашу, – добавила Аня.
- Я дам ему мою лопатку, – пообещал Антон. – Пусть он посидит в нашем садике.
- Старшина Зубов откашлялся и сказал:
- Это хорошо, что вы такие добрые ребята. Но Клюквин уже вырос и ему не дело сидеть в вашем садике. Его посадят в другой. Там он тоже будет ходить парами и есть кашу. И насчет лопатки не беспокойтесь, ему дадут хорошую большую лопату.
- Ура! – обрадовались дети. – Дядя Клюквин, тебе дадут настоящую большую лопату!
- Клюквин махнул рукой и вслед за старшиной Зубовым поплелся к патрульной машине.
- Теперь будем играть в дядю Клюквина, – объявил Егор и разлегся на скамейке.

Испытатель одежды

Человек редкой профессии – испытатель мужской одежды. Ранняя седина, шрам на щеке.

– Как вы стали испытателем?

– С детства обожаю риск. Перепробовал кучу профессий, которые дарят адреналин. Был верхолазом, взрывником, бухгалтером. Потом дружок предложил это дело. Согласился и не жалею. Должен же кто-то рискнуть и надеть на себя новую модель. Вот мы и надеваем. И выходим на большую дорогу.

– Что вы при этом испытываете?

– Мы испытываем большую ответственность. Кроме того, в пивных барах и дискотеках испытываем рукава и воротники, в транспорте в часы пик испытываем пуговицы и подкладку. Если надо, прыгаем в огонь и воду, пролезаем сквозь медные трубы.

– Это, наверное, трудно – рисковать каждый день?

– Самое трудное в нашем деле не риск, а повседневная работа. Например, многодневные испытания на промокание, промерзание, обрызгивание грязью и на это, простите, на голубиный помет.

– Вам никогда не хотелось сменить профессию?

– Предлагали тут... В каскадеры... Но спокойная жизнь не по мне.

– Припомните какой-нибудь интересный случай.

– Иду я раз на задание, помню еще, пуговицы на пальто были автоматом поставлены, а одна, контрольная, пришита тетей Пашей. Вдруг с девятого этажа что-то бах! – и на тети Пашиной пуговице повисает авоська с рыбой. Остальные пуговицы, конечно же, ветром сдуло. Гляжу, а за авоську еще и девушка держится. Вот с такими глазами!

Слово за слово, познакомились. Теперь мы с Катей все пуговицы отдаем пришивать только тете Паше.

– Как жена относится к вашему ремеслу?

– Переживает, конечно. Особенно, когда я по программе должен идти в рюмочную. Или в ресторан. Например, испытывать вечерний костюм. Ну, а про ночные испытания и говорить нечего... Жёны, они и есть жёны. Нам работа, романтика, а им – вечные ожидания.

– Знакомо ли вам чувство страха?

– А куда же без него, знакомо... Как-то довелось мне помогать соседней бригаде. Вот где, действительно, нужны нервы из колючей проволоки!

– Что же это за работа такая?

– Испытания женской одежды.

Лицо его становится суровым. Заметней проступает шрам на щеке.

Я невольно люблюсь им.

Сингапурские трусы

Оммаж Н. Жильцову

Вышел Коля на крыльцо. Трусы на Коле сингапурские. Во всей деревне ни у кого таких нет. Ни в Москве нет, ни в Питере, ни в Елополе... Даже в Сингапуре и то, поди, теперь нет. А у него есть!

Стоит Коля на крыльце, а вокруг – ни души.

«Что же, – думает, – так и стоять мне на крыльце в сингапурских трусах? На крыльце можно и в наших постоять, в семейных...»

Вскочил на велосипед и погнал за околицу. В поле бабы работают. Манька Мамонова разогнула спину:

– Никак Колька Жильцов катит?! Лихой парень!

Бабы работу побросали, на Колю пялятся.

«Что, сингапурских трусов не видели? – радуется Коля, проносясь мимо. – Темнота деревенская!»

Доехав до опушки леса, спохватился:

– Мать честная, а трусы-то где же?!

Крепко выругался и погнал велосипед обратно.

Ключи срочно!

Я сошел с электрички на станции Малоzubово и сразу же увидел эту вывеску. Крупные буквы кукарекали на всю площадь:

«ЗАТОЧКА ИНСТРУМЕНТА. ВСТАВКА МОЛНИЙ. КЛЮЧИ СРОЧНО».

Под бумажником у меня засвербело: «А вдруг?»

Я достал заветный хитрый ключик и сунулся в окошко:

– Такой можете сделать?

Я заранее знал, что не могут. Как не могли в Марселе, в Монреале, в Мельбурне и даже в Мышьегорске. Большая рука, украшенная якорями и афоризмами, приняла ключ. Красивый бас спросил:

– Сколько штук будем делать?

Я собирался сказать «три», но от неожиданности выкрикнул фальцетом:

– Шесть!

– Учти, голубь, ручная работа.

– Все равно шесть! – горячился я, все еще не веря в удачу.

Там что-то зажужжало, я крикнул:

– Когда будет готово?

– Сейчас.

– Мне сейчас не надо, я завтра зайду.

Жужжать перестало, высунулась рука, погрозила мне пальцем.

– Такие деньги берем за присутствие заказчика. Так что стой спокойно на якоре и присутствуй.

Воробы в луже терзали арбузную корку. Бледнолицые торговки клюквой и солеными огурцами перекидывались шутками с чернявыми продавцами арбузов и дынь. Тут из-за угла вывернул мой автобус. Я кинулся к окошку:

– Я завтра зайду!

– Уже готово, голубь, где ты порхаешь?

Я суетливо сунул в окошко деньги, схватил теплые блестящие ключи и бросился к автобусу. Окошко рявкнуло:

– А сдача?!

И я вернулся.

В автобусе раскрыл газету, да читать не могу, все соображаю, где же я опростоволосился?

Достал ключи, сложил стопкой, наложил сверху свой родной – совпадают, не придерешься.

«Все равно, – думаю, – где-то схалтурил. Наверное, заусенцы не снял».

Снова сложил газету, достал ключи. Никаких заусенцев. На всякий случай попробовал на зуб – крепкие. На вкус – железные.

Целый день хожу, сообразить не могу, где же меня надули. В первой же мастерской показал ключ мастеру. Услышал привычное:

– Извините, таких не делаем.

Через неделю приезжаю домой и сразу с ключами к хитрому замку. Щелкает, как новенький. Правда, старый ключ, как и раньше, немного заедает. Мистика какая-то!

Так я до сих пор и не знаю, в чем же меня провели. Но докопаюсь обязательно.

Ослиные уши

На соседней полке закричал, захохотал сосед, и доцент филологического факультета Ухтомского государственного университета Электрон Порфирьевич Быкадоров проснулся.

– Что, старым костям и на печи ухабы? – спросил он соседа. – Не горюй, дед, смерть придет, и на печи найдет!

И довольный полез вниз.

Старушка, дедова жена, ела что-то розовое из баночки.

– Беззубому каша – мамаша, а кисель – брат родной, – подмигнул ей Быкадоров.

Старушка опешила. И Нина Евгеньевна, жена Быкадорова, рот открыла, чтобы откусить банан, да так и замерла. Больше в купе поговорить было не с кем, и Быкадоров выглянул за дверь. У окна щека к щеке стояли Витя и Машенька.

Быкадоров бросил им:

– Любовь без ссоры, что суп без соли.

Молодые вздрогнули, а Быкадоров добавил:

– Лучше один раз подраться, чем весь век ссориться.

– Мы с Витей никогда не будем ссориться! – встрепенулась Машенька.

– Милые бранятся – только тешатся, – по-отечески успокоил ее Электрон Порфирьевич. –

А муж, коли любит – и побьет, и приголубит.

– Я буду во всем соглашаться с Машей! – тонким голосом выкрикнул Витя.

– Ах ты, Сахар Медович! – возмутился Быкадоров. – А в народе говорят: квас молодой – и тот играет.

– А сами вы давно женаты? – спросила Машенька.

– Пятнадцать лет, как белый свет! – зачем-то срифмовал Быкадоров.

– Двенадцать с половиной, – робко поправила его Нина Евгеньевна.

– А двадцать пять не хочешь?! – Быкадоров больно хватил себя по колену. – Да женатый год за два холостых идет! За вредность!

Тут молодые извинились и исчезли.

– Два сапога – пара. И оба на левую ногу, – пробурчал им вслед Быкадоров.

– Ну и ладошки, – пропела Нина Евгеньевна.

– Ладошки у бабушки... – начал было Быкадоров, но жена вдруг заткнула ему рот бананом и выпалила:

– Не маши руками – отлетят с рукавами! У злой Натальи все люди каналы...

– Спасибо, – сказал Быкадоров, прожевав банан. – Это же из моей диссертации. Как говорится, хороша птица пенем, а человек ученьем.

– А еще говорят, – подала голос старушка, – переученный хуже недоученного.

– Стоп! – Быкадоров схватился за карандаш. – У меня в диссертации такого нет.

– Пиши еще, – свесил голову дед. – Золотые серьги да в ослиные уши.

– Ух, хорошо! – восхитился Быкадоров. – Обязательно вставлю в диссертацию!

Нина Евгеньевна тяжело вздохнула и сказала:

– Не надо в диссертацию, Электрон. Вставь себе в уши.

Вот такая экскурсия

Меня зовут Степан. А со Свечкиным мы познакомились в санатории. Мы с ним сразу сошлись характерами и поэтому каждый день сидим и празднуем. Свечкин меня всё про наш Елополь расспрашивает: правда ли, что у нас девчата певучие, и есть ли спрос на холостых водителей.

Я тоже помечтать люблю. Например, как будто я через сто лет живу. А соседка моя, Зоя Сергеевна Кошкодоева, наоборот, в каменном веке. Или – она на Северном полюсе свои рыбные котлеты жарит, а я загораю в Африке на горе Килиманджаро.

Короче, я Свечкину встречное интервью устраиваю: как у них в Белозубове относятся к токарям в смысле зарплаты?

Понемногу договорились, если надумаем меняться жильем, то посуду перевозить не будем, чтобы зря не бить. Да и мебель тоже.

Тут по санаторию объявили про автобусные экскурсии в разные занимательные места. Вот мы и наладились: я в Белозубов, а Свечкин, наоборот, к нам в Елополь. Чтобы своими глазами поглядеть, как там и что.

С утречка по автобусам расселись. А многих еще нет. Гляжу, Свечкин бежит.

– Степа, – говорит, – выходи, что скажу.

Потолковали мы с ним чуток за автобусами, закусили и опять по коням. А некоторых все нет. Тогда я отправился к Свечкину с ответным визитом вежливости. Потом обратно он. А потом уже чую, выхлопные трубы заработали, автобусы двинулись, только мы со Свечкиным отдельно от них на газоне сидим. И никуда не едем. Я, конечно, стоп-сигнал подал и запихал к ним Свечкина.

А сам как сел, так и заснул. Проснулся и обмер! Я же по своему Елополю еду!

– Граждане экскурсия! – кричу. – Нас же не в ту степь завезли!

– В ту, в ту, – отвечают. – Успокойтесь.

Успокоился я, а сам гляжу, до чего же этот Белозубов на мой родной Елополь похож!

И тут вижу, выходит из рыбного магазина мадам – моя соседка Кошкодоиха! У меня от волнения сразу складки по коже побежали. Это мне не тот автобус подали! Они нас со Свечкиным перепутали!

Затужурился я, но плетусь за всеми по каким-то дворам и амбарам, боюсь от автобуса отстать. И помаленьку узнаю, что у нас в Елополе сам царь Петр кое-что заложил. И Екатерина кое-где ночевала. А наша пожарная каланча – самая знаменитая в России! Вся экскурсия ахает, делает снимки на память, и я приосанился.

Обратно ехали с песнями. А я думаю: нет, Свечкин, не буду я с тобой меняться. Это тебе шило на мыло, а мне родной город. А царь Петр? А каланча?!

Приехали, а Свечкин меня уже дожидается.

– Извини, – говорит, – Степан, отдумал я меняться. У нас в Белозубове, оказывается, такие девчата есть! И еще хор, которого вся Италия боится. А я, – говорит, – после работы очень люблю хором попеть. Так что, извини.

Вот такая экскурсия получилась.

Совет да любовь!

Эта фарфоровая ваза досталась Кипяткову в наследство от деда Фалалея Филатовича. Правда, один амур на ней был без носа, зато как новенькое сияло позолоченное фарфоровое сердце с надписью «Совет да любовь!».

– Соображали люди, – вздохнул Кипятков, смахивая пыль с безносого амура. – Ишь ты, «совет да любовь»... А тут с полочки домой как человек придешь, ну пуговицы немного оторваны – и поехало! «Тра-та-та-та», и никакого уважения.

Завершал телефон, звонила Светка, жена приятеля.

– Слушай! Моему предлагают хорошую работу, а он мне: бу-бу-бу...

Светкин голос потонул в непонятных звуках, из которых вскоре вынырнул голос Вити:

– Я на этой работе в волейбол играю... У меня окно в парк... А она мне: ля-ля-ля...

– Ну что там у них? – высунулась из кухни Люся, жена Кипяткова.

– Нормальный ход, дерутся. Через часик поеду, мирить буду.

– Лучше бы пуговицы к пальто пришил, – фыркнула Люся.

– А ты у меня на что? – удивился Кипятков. – У нас, Кипятковых, мужиков всегда уважали, не то что у твоих папули с мамулей.

– Ах, так? – теперь удивилась жена Люся, вернулась на кухню, выключила газ и выскочила обратно со сковородником в руках.

Вечером Наполеон Кипятков с синяком под глазом и мусорным ведром в руках вышел на лестницу. На ступеньках сидели Витя со Светкой и целовались.

– Мы звонили, – восторгалась Светка, – да ваш телевизор так орал, что вы нашего звонка не слышали.

– Какой телевизор? – не понял Кипятков. – Мы его еще месяц назад разбили...

А они уже впорхнули в светлое гнездышко лифта.

– Спасибо тебе! Извини!

Двери лифта едва не прищемили ему нос. Кипятков высыпал в мусорную трубу осколки дедушкиной вазы. Один осколок звякнул об пол. Он поднял его, это было позолоченное фарфоровое сердце с надписью «Совет да любовь!».

Кипятков потер его рукавом и, оглянувшись, спрятал в карман.

На память.

На копне сена

Краснощёкин с тоской смотрел в потрепанную тетрадь и стучал по клавишам:

«Диета сицилийская. Понедельник. Утром – кофе без сахара. Днем – долька лимона без сахара...»

Эту тетрадь его жене Люсе дала на один день Анжелика Верблюнская.

«...Вторник. Утром – три маслины без косточек, днем – один грецкий орех без скорлупы, вечером – одна креветка без панциря...»

Краснощёкин представил себе крутые обводы Анжелики Верблюнской, улыбнулся и мысленно пожал руки авторам этих диет. И вдруг остановился. А его-то жене Люсе это зачем? Он сядет обедать, а она пристроится напротив с долькой лимона в зубах?

Краснощёкин содрогнулся. Потом внимательно перелистал тетрадь – все триста двадцать три диеты не сулили ему ничего хорошего. Он быстро убрал с экрана текст и принялся набирать новый, сочиняя на ходу:

«Диета пастушья. Понедельник. Утром – овсяная каша на козьем молоке, лепешки с творогом, кумыс (можно заменить йогуртом). Днем – похлебка пастушья мясная, хлеб с отрубями...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.